

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

Введение. Старые шпионы никогда не умирают 8

Часть первая ИСТОРИЯ

Битва за Шанхай 13

Секретная служба Мао 56

Культурная революция шпионов 109

Глубоководная рыба для Дэна Сяопина 157

Часть вторая СОВРЕМЕННОСТЬ

Кибервоины НОАК 173

Пекин-2008: Китай выигрывает золото шпионажа 217

Охота на кротов Си и рождение сил стратегической
поддержки 246

Правильные настроения командира проистекают из его правильных решений, его правильные решения проистекают из его правильных суждений, а его правильные суждения проистекают из тщательной и необходимой разведки, а также из размышлений и объединения воедино различных данных, собранных с помощью разведки. Он применяет все возможные и необходимые методы разведки и обдумывает собранную информацию о ситуации врага, отбрасывая шлаки и выбирая существенное, устраняя ложное и сохраняя истинное, переходя от одного к другому и извне к другому внутри.

Мао Цзэдун

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слово Цинбао на китайском языке имеет два значения: «интеллект» и «информация».

Тонкая граница между двумя концепциями облегчает работу секретных агентов, но усложняет работу журналистов. Корреспондент информационного агентства Синьхуа, пойманный с поличным в военной сфере, может поклясться памятью председателя Мао, что он просто выполнял прямую репортажную работу, в то время как западный журналист, берущий интервью у сторонника подпольного демократического движения, всегда будет назван «империалистическим шпионом». Что касается писателя или репортера, исследующего историю китайского шпионажа, который, кажется, хорошо знает китайский язык... Давайте даже не будем туда идти.

Шпион — Другой. Интеллект во многом обязан психологии. Правительственный «сотрудник по вопросам политики» из Информационного отдела Института Лао-Цзы может также быть тайным «куратором», работающим на одну из различных разведывательных служб, которые изобилуют по всему миру под каким-то туманным культурным названием; или он может быть настоящим литератором, который просто хочет поделиться своей любовью к китайской истории и философии. Он даже мог быть обоими. Я знал нескольких высокоинтеллектуальных шпионов.

Эта концепция становится еще более интересной, если изучить китайские иероглифы и корни слова Цинбао, а именно: 情报.

Первоначальное значение Цин 青 — «свет жизни» и «сердце». Его можно перевести как «реальность ситуации», «как обстоят дела», «ситуация» в перспективе.

Второй иероглиф, Бао 報, происходит от древней пиктограммы, упрощенной в наше время, что означает «человек, чьи руки зафиксированы, стоит на коленях, вынужден признаться». Довольно много смысла упаковано в одном персонаже.

Это оригинальная пиктограмма, которая сегодня является основой персонажа:

ВВЕДЕНИЕ. СТАРЫЕ ШПИОНЫ НИКОГДА НЕ УМИРАЮТ

В мае 2017 года 102-летняя Яо Цзицзянь была почетным гостем на необычной церемонии в Пекине. Как самый старый из выживших китайский шпион, она оказалась среди сотни людей: родителей и детей китайских секретных агентов, которые сражались на «подпольном фронте» с момента основания Коммунистической партии Китая — в шпионской войне.

Поводом для этого стала девяностая годовщина Особого отделения Центрального Комитета (Чжунян Теке), старейшей из секретных служб Китая, созданного в Шанхае 11 ноября 1927 года под эгидой будущего премьер-министра Чжоу Эньлая. Позже было переименовано в Центральное следственное управление КПК (Чжунян Дяочабу), долгое время оно было главной политической разведывательной службой, которой до 1980-х годов руководил выдающийся Ло Циньчан (1918–2014).

Сын Ло, генерал Ло Юань, обратился с речью к потомкам этих «великих солдат тайной войны», восхваляя качества «безымянных агентов», которые были непоколебимо «верными, бесстрашными, осторожными в одиночестве, бдительными, способными помогать друг другу...».

Это было больше, чем просто дань уважения героическим подпольным боевикам, которые вели исторический шпионаж сначала против французов и британцев в Шанхайских концессиях, затем против гоминьдана Чан Кайши и шпионов из Японии. Как наверняка знали присутствующие в зале, эта секретная война является продолжающейся реальностью при президенте Си Цзиньпине сегодня. Выбор почетной разведывательной службы, Дяочабу, был в этом отношении значительным. В 1980-х годах он объе-

динил свои усилия с отделом контрразведки Министерства общественной безопасности: Гунганбу. Вместе эти две службы сформировали новое Министерство государственной безопасности, Гоцзя Аньцюаньбу, или сокращенно Гоаньбу. Юбилейное мероприятие в 2014 году организовал Гоанбу, действующий по сей день. Его первый руководитель, министр Лин Юнь, скончался в марте 2018 года в возрасте 100 лет. Оглашение этой церемонии имело еще одну, более непосредственную цель: оно послужило началом новой кампании против «империалистических шпионов» — тем летом был принят новый драконовский закон о борьбе со шпионажем.

В двадцать первом веке Гоанбу считает себя таким же значительным игроком глобальной разведки, каким был советский КГБ в двадцатом. Китайские спецслужбы (общий термин, включающий несколько других организаций, помимо Гоанбу) соперничают с крупнейшими в мире: американское ЦРУ, израильский Моссад, индийская RAW, французская DGSE, британская MI6 и, конечно же, другие разведывательные службы в мир-регионе, такие как тайваньский MJIB и японский Naicho (Найтё).

В этой книге исследуется давняя важность интеллекта в коммунистическом Китае. Его многочисленные корни уходят в книгу четырнадцатого века «Роман о трех королевствах» и знаменитый трактат Сунь-Цзы «Искусство войны», а также испытывают влияние как русского коммунизма, так и, как это ни парадоксально, вражеских государств: французские и британские спецслужбы сражались против Чжоу Эньлая и его шпионов в 1930-х годах в Шанхайских концессиях. «Китайские шпионы» — это попытка проиллюстрировать как долгую историю разведки и служб безопасности с момента создания Коммунистической партии Китая, так и их текущую роль в политике сегодня. В 2019 году КПК все еще сохраняет марксистские разведывательные традиции, восходящие к межвоенному периоду.

Этой непрерывной традиции нет эквивалента, кроме российской военной разведки ГРУ, которая была основана Львом Троцким в 1918 году и сохранила свое название даже после распада СССР. Спустя столетие, до 2019 года, он сыграл важную роль в разгроме Исламского государства (ИГИЛ) в Сирии. Однако идеологическая оболочка коммунизма исчезла с российской разведки, хотя ее хорошим отношением с китайскими спецслужбами, несомненно, способствуют психологические модели поведения агентов президента Владимира Путина, уходящие корнями в известные советские организации.

Наша история начинается с битвы за Шанхай в 1920-х годах и заканчивается киберконфликтными ситуациями, секретными операциями вокруг Нового шелкового пути, глобальными экономическими войнами, которые происходят сегодня, битвами в Интернете и войной против исламистского терроризма.

В результате этих новых вызовов авторитет китайского разведывательного аппарата значительно вырос, особенно с 2017 года, когда Си Цзиньпин, самопровозглашенный «верховный лидер» Народно-освободительной армии (НОАК) и «руководство» партии, усилил свои полномочия на 19-м съезде КПК, став самым могущественным китайским лидером со времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Это был синтез двойного политического наследия, которым может похвастаться Си: форма неомаоизма с оттенком культа личности и постмаоский прагматизм на службе триумфальной модернизации. Согласно «Мысли Си Цзиньпина», самое главное — сохранить «линию масс» одновременно с «углублением реформ» и оживить страну через «возрождение китайской нации».

Китайский интеллеженс отличается от разведки других стран степенью политического влияния. Каждая служба состоит из двух частей: технический директор, отвечающий за повседневные операции, работает вместе с поли-

тическим комиссаром, который отвечает за обеспечение соответствия идеологической ориентации организации стратегии, установленной КПК.

В частности, эта ориентация согласуется с «китайской мечтой», другими словами, с целью президента Си сохранить верховенство партии, одновременно преследуя свою глобальную стратегию. Эта стратегия на самом деле не только глобальная, но и межпланетная: Пекин уже заявил о своем намерении вывесить красный китайский флаг на Марсе, «красной планете», в 2049 году, к столетию Китайской Народной Республики.

Китай, новый титан «мягкой силы», гордится тем, что является самой эффективной умиротворяющей силой на планете, с обширными проектами, такими как инициатива «Один пояс, один путь», международная инфраструктура и инвестиционная схема, объявленная новым Шелковым путем, или Шанхайская Организация сотрудничества (ШОС), цель которой — переместить центры мировой экономики и безопасности с Запада на новую ось во главе с китайско-российским партнерством. Этот пакт включает бывшие мусульманские страны СССР, а также Пакистан и Индию в качестве недавних участников и Иран в качестве наблюдателя.

Тем временем президент Си намеревается создать то, что будет не чем иным, как самой мощной армией, когда-либо существовавшей за всю историю человечества. С начала 2016 года Си Цзиньпин полностью реорганизовал Народно-освободительную армию, первоначально основанную в 1949 году. Он упростил ее командную иерархию, заменил семь военных округов на пять «театральных командований» и объединил две стратегические вооруженные силы, помимо сухопутных и морских, и воздушные армии: Ракетные силы Народно-освободительной армии (ракеты, межпланетные ракеты) и Силы стратегической поддержки (SSF), которые включают, например, цифровую огневую мощь, необходимую для кибервойны. Как мы уви-

дим в следующих главах, SSF — это совершенно отдельная армия, занимающаяся сбором разведданных и разведкой.

Си также представил новую концепцию «стратегического управления морем», разработанную для реализации в тандеме со стратегией Шелкового пути. По мнению некоторых индийских аналитиков, в период с сегодняшнего дня до 2050 года НОАК теоретически может вести до шести различных войн: за объединение с Тайванем; «возвращение» островов Спратли в южном море и Дяоюйтай (японцы называют их островами Сэнкаку, и заявляют о них как о своей территории); объединение с Внешней Монголией; и возвращение территорий, захваченных Россией в XIX веке.

Это тот контекст, в котором развивалась китайская разведка. Конечно, здесь также должны сыграть свою роль внутренняя безопасность, администрация лаогая (китайского ГУЛАГа) и репрессии против диссидентов, в том числе лауреата Нобелевской премии мира Лю Сяобо, который умер в июле 2017 года. В этой книге особое внимание уделяется реорганизации Си Цзиньпином секретных служб за рубежом и их деятельности. В 1980-х Дэн Сяопин считал, что услуги идут рука об руку с модернизацией. В 1990-х Цзян Цзэминь позволил им превратиться из сообщества региональных спецслужб в глобальный аппарат, воспользовавшись временным исчезновением российского КГБ, который появился сегодня в другой форме. Си Цзиньпин разработал этот массивный аппарат, напоминающий аппарат мировой сверхдержавы. Мы увидим, как он это сделал, когда проследим за развитием новых услуг как Гоаньбу, так и НОАК. Вместе, как с точки зрения персонала, так и с точки зрения круга организаций, они составляют сегодня крупнейшую разведывательную службу в мире.

Часть первая

ИСТОРИЯ

БИТВА ЗА ШАНХАЙ

В начале двадцатого века в Китае проживало 400 миллионов человек, площадь составляла 11 миллионов квадратных километров. Различные другие участки некогда китайской территории были аннексированы во время последовательных иностранных вторжений. С подписанием Нанкинского мирного договора в 1842 году британцы предоставили себе Гонконг, известный как «Ароматная гавань». Другие «неравноправные договоры» привели к предоставлению концессий — целым районам крупных городов — «длинным носам», а также нанесению иностранными державами военных убытков, что разрушило китайскую экономику.

В 1900 году в Пекине, «северной» столице, иностранные миссии были осаждены во время боксерского восстания, как его называли иностранные журналисты. К концу пятидесятипятидневной осады восстание было подавлено международным экспедиционным корпусом, а вдовствующая императрица Ци Си, союзница боксеров, была свергнута. Последний маньчжурский император Пу И был вынужден отречься от престола в возрасте шести лет в 1912 году. Новая Китайская Республика во главе с лидером националистов Сунь Ятсеном быстро превратилась в диктатуру под иглом северного военачальника Юань Шикая.

История современного китайского шпионажа начинается через десять лет после этих событий во французской

концессии Шанхай, порт на реке Хуанпу, которая является притоком Янцзы. В концессии проживало триста тысяч китайцев. Действительно, история китайского коммунизма и его секретных служб отчасти французская; в 1920-х годах Шанхай прозвали «Парижем Востока».

Французы были не единственными жителями Запада, которые вырвали уступку у маньчжурских императоров. Шанхайское международное поселение принадлежало британцам и американцам, юрисдикция которых распространялась на его 750-тысячное китайское население, в то время как еще миллион проживал в китайских рабочих кварталах Чжабэй и Нандао. Не нужны счеты, чтобы вычислить, что только 30 000 жителей Запада — «иностранные дьяволы» со своей собственной полицией, армией и правовой системой — навязывали свою власть половине жителей города.

Эти законы имели изменчивую геометрию, поскольку западные державы, такие как китайская буржуазия, закрывали глаза на тот факт, что Шанхай в то время был не только одним из самых оживленных городов мира (как в экономическом, так и в культурном отношении), но также и раем для азартных игр, торговли оружием и опиумом, а также центром западной торговли проститутками, шпионажа и множества различных видов мошенничества и коррупции.

Могущественные люди примирились с этим необычным преступным миром: Юй Цяцин, президент Китайской торговой палаты, был одновременно крупным бизнесменом и высокопоставленной фигурой в Зеленой банде (Цин Банг), всемогущем тайном обществе, которое дергало за ниточки в этом удивительном театре кукол. У главы этой преступной организации Ду Юешэн был могущественный «кровный брат» Феликс Бувье: владелец как Канидрома, гоночной трассы в Шанхае, так и казино Grand Monde, куда изгнаны русские принцессы, американские торговцы ору-

жием и японские шпионы, где играли по-крупному, как это увековечено в фильме 1932 года «Шанхайский экспресс».

«Мистер Ду», Аль Капоне из Шанхая, также привлек в свой клан влиятельных людей, таких как молодой генерал-националист и будущий лидер Республики Чан Кайши и Этьен Фьори, который ранее работал офицером разведки в Марокко, а теперь он был главой Специального полицейского бюро французской концессии и активно участвовал в преступной деятельности корсиканской мафии, которая была в сговоре с Зеленой бандой.

Фиори, невысокий смуглый мужчина с зачесанными назад волосами и кривой улыбкой, в основном участвовал в преступных действиях с «Grande Combine», сетью белых рабов, которая состояла из корсиканок, которые «шантажировали» молодых французских девушек и отправляли их в крупнейший бордель в обмен на опиумные брикеты, посланные господином Дю в Марсель. Но вряд ли эта торговля предназначалась для экспортного рынка. Огромные количества потреблялись в 800 опиумных притонах Шанхая, куда людей направляли около 3000 «бродяг», как называли приспешников Зеленой банды.

Этот больной, коррумпированный мир начал вызывать иммунную реакцию. Под влиянием русской революции и ее профессоров молодые китайцы — студенты Университета Авроры и члены зарождающегося союза Ассоциации рикш — были полны решимости, что Восток скоро станет красным.

Мао уклоняется от французской полиции

В июле 1921 года двенадцать делегатов, представляющих пятьдесят семь боевиков из разных провинций Китая, встретились в якобы секретном месте, в доме родственника одного из делегатов: Уэнц-роуд, 160 во французской концессии.

В маленьком, тускло освещенном, задымленном салоне раздавали пепельницы и подавали чай, прежде чем участники начали дебаты с двумя эмиссарами Коминтерна, «Марингом» и «Никольским». «Маринг», на самом деле голландец по имени Хенрикус Сневлит, изложил позицию Москвы: создание коммунистической партии было отличной идеей, но было жизненно важно, чтобы она присоединилась к Гоминьдану, националистической партии, основанной доктором Сунь Ятсеном для осуществления демократической революции, начатой десятью годами ранее свержением последнего маньчжурского императора. Первые три дня дискуссии продолжались до поздней ночи, потом участники переехали в общежитие школы для девочек на улице Огюст-Боппе, где делегаты в конце концов выспались после таких изнурительных занятий (школьницы были в отпуске).

Вечером четвертого дня жарких дебатов в парадную дверь постучал мужчина странного вида, заявив, что он ищет кого-то по имени Ли или Чжан, оба очень распространенные имена. Затем, извинившись, что ошибся адресом, он развернулся и ушел.

Это был один из полицейских Фиори. Следуя совету российского посланника Маринга, делегаты поспешно ушли, «как мыши, с руками за уши», как говорится в китайском выражении. Их инстинкты совпали: через десять минут в дом ворвались китайские полицейские во главе с французским офицером.

История Коммунистической партии Китая только началась, и она уже обнажила темную сеть информаторов, тайной полиции и шпионов.

Китайцы склонны к фатализму, а не к унынию. На следующий день, в отсутствие двух представителей Коминтерна, делегаты перенесли встречу на прогулочный катер, на котором они проплыли вокруг озера в Чжэцзяне, про-

винции к юго-западу от Шанхая. Предлагаемые движения были столь же откровенны, как конфуцианские афоризмы; они обсуждали их, наблюдая за полетом диких журавлей и изящной походкой элегантных дам с зонтиками, когда они принимали послеобеденные конституционные процедуры.

На этом очаровательном фоне они ратифицировали свои решения в пятый день переговоров и окрестили свое новое движение Коммунистической партией Китая (КПК, или Гунчандан в Пиньинь). Основываясь на российской модели, младшая версия приняла прямую программу: создать красную армию, свергнуть буржуазию и установить правление пролетариата, при котором частная собственность и классовые различия будут устранены. Как настаивал товарищ «Ли-Нин» (Ленин), каждая коммунистическая партия должна была быть организована на основе принципа «демократического централизма», в рамках которого фракции не допускались, а профессиональные революционеры были связаны рамками железной дисциплины.

Лидер этих китайских большевиков был избранным генеральным секретарем, блестящим интеллектуалом, вдохновленным философией Просвещения и Французской революцией 1789 года: Чэнь Дусю. Среди молодых делегатов один человек из Чанши, столицы провинции Хунань, был известен своим талантом и сдержанностью. В будущем он станет известен как Мао Цзэдун, «Красное Солнце», и он чуть не попал во французскую тюрьму.

Коминтерн предпочел бы, чтобы КПК выбрала кого-то более гибкого, чем этот молодой тупица: например, кого-то, кто открыт для идеи «единого фронта» с Гоминьданом. Тем не менее Москва согласилась обеспечить потребности и образование новой партии так, как ей было удобно. Между тем ближе к концу 1921 года Маринг, питавший определенное недоверие к этой группе интеллектуалов, встретился с Сунь Ятсеном, который установил свое пра-

вительство на юге, в Кантоне (современный Гуанчжоу). Он предложил доктору помощь и даже, не посоветовавшись со своими китайскими товарищами, помощь КПК. Это положило начало сердечному соглашению между Гоминьданом и будущим СССР. По словам Ленина, цель последнего заключалась в объединении большого Китая, разоренного полевыми командирами, с помощью правительства левого толка, альянс которого разрушит политическую изоляцию, от которой страдает зарождающийся СССР.

КПК — несмотря на раздражение и рвение начать революцию тут же — сдерживалась, воодушевленная обещанием еще более светлого будущего. Однако был момент, когда казалось, что этого никогда не произойдет. Кто предал учредительное собрание партии? И как разрешить загадку, кроме как устроить расследование и создать небольшую шпионскую сеть? Эта книга — не что иное, как рассказ о том, как эта эмбриональная структура однажды станет крупнейшей сетью секретных служб в мире.

Ло Иньун, молодой студент, приехавший, как и Мао, из Хунани, которого позже отправят в Москву для обучения искусству шпионажа и революционного восстания, руководил расследованием проникновения на партийное собрание. Это показало, что вторжение французской полиции имело простое объяснение и что в этом виноват Коминтерн. Оказалось, что двое молодых посланцев из молодежной организации Коминтерна, привели за товарищами французские спецслужбы. Насколько можно установить, это были Анри Лозере и Жак Дорио, оба из Сен-Дени, пригорода к северу от Парижа. Понимая, что за ними следит полиция, молодые люди осторожно выбрали обходной путь, чтобы присоединиться к другим делегатам на собрании. Но их агент по связи, должно быть, был менее предусмотрительным.

После того как они вернулись во Францию через Москву, эти двое мужчин помогли создать парижское отделение КПК и, как мы увидим, помогли хорошо известному боевику, истинному отцу-основателю первоначальной китайской коммунистической секретной службы. Но оставим их на время, пока они садятся на теплоход до Владивостока, а затем на транссибирский экспресс до Парижа, через Москву и Берлин.

Китайские сети Советского Союза

Между тем, как мы увидим, Советы не бездействовали. В Москве их секретная служба, ЧК, созданная уроженцем Польши Феликсом Дзержинским, имела своей эмблемой меч и щит гладиатора. Острое лезвие меча олицетворяло высокоэффективную службу внешней разведки ЧК, ИНО. Щит представлял политическую полицию, задачей которой было устранение контрреволюционеров и империалистических шпионов в России, начиная с британской разведывательной службы и бюро Deuxième (внешнее агентство военной разведки Франции). ЧК вела беспощадную войну против обеих служб. На карту было поставлено само выживание революционного государства, которое было окружено все более сужающимся кругом антибольшевиков.

С начала 1920-х годов ЧК, переименованная в ГПУ в 1922 году, вкладывала огромные средства в Китай с двумя целями. Первой была вербовка китайских агентов, чтобы информировать Москву о намерениях полевых командиров, имперских держав, владевших концессиями, изгнанных белых русских, готовящихся к возвращению, гоминьдановских националистов и информаторов, которые были предателями революции. Это была огромная программа. Финансирование ЧК служб безопасности как зарождающейся КПК, так и Гоминьдана также было стратегией их контроля.

ЧК была не единственной организацией, действовавшей за кулисами. В то же время действовала и разведывательная служба Красной Армии «Разведупр» (более известная как ГРУ), возглавляемая генералом Арвидом Сейботом. В каждой стране мира ГРУ следило за военным потенциалом, а также за военными секциями коммунистических партий, которые сами были рождены Красной Армией. Родившийся в Латвии Ян Берзин, глава 3-го Управления (шпионаж), вскоре должен был стать главой ГРУ и продолжал активизировать операции в Азии. В Китае, после соглашения с Сунь Ятсеном, эта крупная служба, которая до сих пор действует под тем же названием, также курировала в качестве консультанта Военную академию Хуанпу, созданную китайскими националистами. В 1927 году военным атташе советского посольства в Гуандуне был полковник Семен Аралов, который в 1918 году был первым главой ГРУ при Троцком.

Мы уже слышали о третьей российской организации, присутствующей в Китае, более внешнеполитической, чем ЧК или ГРУ: Коминтерне, основанном в 1919 году для разжигания мировой революции. Ее подпольную деятельность организовывала Международная служба связи (OMS), которую возглавлял старый революционер по имени Иосип Пятницкий. Эта деятельность включала перевод средств и финансирование партий, союзов и комитетов, а также обучение агентов секретным навыкам, включая шифрование и трансляцию беспроводных сообщений, подделку документов и разработку прикрытий для секретных агентов.

Формируется организация советской разведывательной службы в Китае. Первого резидента ЧК в Пекине Аристарха Рыльски (настоящее имя Аристарх Ригуин) сменил в 1922 году армянский дипломат-шпион Яков Давтян, который совершил несколько миссий во Франции под именем «Жан Жан». Вскоре после прибытия в Пекин Давтян пожаловался своему начальнику Мейеру Трилиссеру, главе INO

в Москве, что его отягощает огромный объем работы, с которой он сталкивается. «Рабочая нагрузка, хотя и чрезвычайно интересная, невероятно тяжелая и сложная. Нужно продемонстрировать большое чувство ответственности. Удаленность от Москвы, низкое качество связи, взаимное непонимание с Центром — все усложняет нашу работу. Я никогда в своей жизни не работал так усердно — даже в ИНО, — как здесь, и мои нервы никогда не подвергались такому напряжению».

Но товарищ Давтян неохотно показал на это смелое лицо, потому что Китай был, по его словам, «центром мировой политики, и не только ахиллесовой пятой мирового империализма, но и нашей». И даже если Ригуин и Давтян не особо ладили, «резиденции», или разведывательные пункты, ИНО в Пекине, Тяньцзине, Мукдене, Чанчуне, Харбине, Кантоне и Шанхае процветали, о чем свидетельствует обнадеживающий отчет, написанный Давтианом через год после приезда: «Работа идет хорошо. Если вы следили за документами, которые я отправлял, вы увидите, что мне удалось расширить нашу сеть по всему Китаю, а это означает, что ничего важного не может произойти без нашего предупреждения. Наша сеть контактов расширяется. В целом могу сказать, что никто из белых русских, живущих на Дальнем Востоке, не может остаться незамеченным. Я знаю все, что происходит, часто даже до того, как это действительно произошло».

11 февраля 1923 года Давтян направил в Центр, в штаб-квартиру московской разведки, сообщение: «Я значительно расширил нашу деятельность. Теперь у нас есть соответствующие резиденции в Шанхае, Тяньцзине, Пекине и Мукдене. Я создал в Харбине значительный административный аппарат. У нас есть планы проникнуть в японскую разведывательную службу и в широкую сеть информаторов в Шанхае».

В Пекине советскую военную разведку (ГРУ) официально представлял генерал Анатолий Геккер, который был военным атташе советского посольства там до 1925 года. Одной из официальных миссий Геккера в то время было оказание помощи российским военным советникам, прикрепленным к гоминьдановской армии. Следовало наблюдать за созданием националистического учебного корпуса военной разведки и руководством разведывательной службой под названием «Колледж» (Чжунсюэ), которой руководил высокопоставленный деятель Гоминьдана, бывший учитель по имени Тан Пин-сан. Советы осуществляли, таким образом, контроль за зарождающейся китайской коммунистической службой разведки и националистов, чей лидер, Сунь Ятсен, продолжал поддерживать союз с Москвой вплоть до своей смерти в марте 1925 года.

Этот формально существующий военный аппарат был лишь верхушкой айсберга. На практике подавляющее большинство разведывательных данных ГРУ в Китае, таких как разведка ЧК/ГПУ в СССР, собирались «нелегалами»: тайными секретными агентами, находящимися в роуминге или постоянно дислоцированными. Их следы можно найти в сотнях отчетов французской разведки, с которыми я ознакомился, благодаря которым я смог создать настоящую разведывательную сеть в российском шпионаже в Китае в 1920-х и 1930-х годах. Это было довольно сложным мероприятием, учитывая, что мы говорим о мире, где у каждого было несколько псевдонимов, вымышленных имен и «поддельных» паспортов, которые имеются в архивах французских консульств в Шанхае и Тяньцзине с межвоенного периода.

Коммунистическая партия Китая создавала свою подпольную сеть отнюдь не только в Китае, во французских концессиях и международных поселениях в Шанхае и Гонконге. В Париже молодые боевики по программе работы-учебы также обучались тайным методам. Им пришлось

противостоять французской полиции, контрразведке и внешней военной разведке, которым было поручено искоренить их. Награжденным медалями Первой мировой войны начальникам полиции Луи Дюклу и Шарлю Фо-Па-Биде из *Sûreté* (французской службы безопасности) и полковнику Анри Лэни, главе службы контрразведки и разведки (SCR), пришлось сместить акцент в своей работе на борьбу с нарастающей волной большевизма и его агентов. Так называемая «желтая опасность» была еще впереди, но политические волнения в Китае и Индокитае требовали высокой бдительности и вызвали серьезную озабоченность Французской империи в Азии. Для боевиков с Дальнего Востока обучение тому, как помешать ловушкам, установленным мастерами-шпионами на улицах Парижа, Лиона и Марселя, означало, что они уже играли роль в этой войне теней.

Хакки Чжоу Эньлая приезжают в Париж

Китайские хакки раньше были кочевым народом; отсюда и их название, что означает «гостевые семьи». На протяжении многих веков они бежали от монголов и искали убежища: на равнинах центрального Китая, к югу от Желтой реки, у Жемчужной реки в Гонконге, в Кантоне и в других местах. Они были столь же храбры в битвах, сколь и смелы в своих путешествиях. Многие уехали из Китая. Они составляют особую этническую группу со своим непонятным диалектом, а также символами и ритуалами, которые сильно отличаются от таковых у остальной китайской диаспоры. Во времена династии Цин 1644–1912 гг. Их пышные волосы свидетельствовали о том, что они отказались выразить верность маньчжурским завоевателям, обрив головы и сохранив только одну косу. Женщины имели те же права, что и мужчины, по крайней мере с точки зрения права работать в поле. Хакка никому не поклонился. Хакка был неукротимым.

Одним из признаков этого был тот факт, что, в отличие от других китайских народов, отцы хакка не заставляли своих дочерей связывать ноги и атрофироваться, чтобы превратить их в объекты желания. Достигнув совершеннолетия, женщины хакка выходили замуж только за других хакка, поскольку буржуа Шанхая, пекинские мандарины и фермеры Чанши считали их отвратительными с их «огромными» ногами. Хакки — гордые люди. Легендарный Хун Сюцюань, яркий лидер восстания тайпинов (1850–1864 гг) был хаккой. Видение Хун было установлением небесного царства мира на земле. Эта революционная искра вызвала гражданскую войну; по словам братьев Элисе и Онезим Реклю, самых известных французских географов того времени, последующие репрессии привели к гибели от 12 до 15 миллионов жизней в Китае. Сага Тайпин привела в ужас весь мир и вдохновила Жюль Верна на создание персонажа по имени Ван, философа из «Скорби китайца в Китае».

Читали ли люди межвоенного французского специального подразделения и офицеры военной разведки анархистов братьев Реклю или Жюль Верна? Мы не можем знать, но они определенно следили за невзгодами китайцев во Франции в июле 1922 года. Без сомнения, не зная сложной истории хакка, детективы держали шипучий мир китайских студентов-рабочих Франции под постоянным наблюдением. Многие китайские студенты занимались пропагандой в диаспоре в защиту академической свободы, и они присоединились как к националистическому Гоминьдану во главе с Сунь Ятсеном, (сам — хакка), так и к новой группе, которая проникла в них: КПК, созданной в Шанхае на деньги из Москвы и помощь коммунистов Дорио и Лозерай.

Под вымышленными именами эти молодые китайцы в Париже вели подпольную деятельность, действуя в секретных квартирах. Одним из этих хакка был маленький «Десятка» из Сычуани, с детским лицом и развевающимися на

ветру черными волосами — это был не кто иной, как будущий Дэн Сяопин, который работал на заводе Renault и получил прозвище «Мистер Мимеограф», потому что по вечерам он печатал подпольные брошюры на китайском языке «Новая молодежь» и «Красная заря». Кто бы мог подумать тогда, что он станет президентом Китайской Народной Республики шестьдесят лет спустя? Или что среди хакков в парижском коммунистическом кругу было не менее трех будущих маршалов Народно-освободительной армии? Это трио сыграет свою роль в каждой главе истории секретных служб: Чэнь И, Е Цзяньнин и Чжу Дэ.

Согласно отчетам французской тайной полиции, молодой коммунист Хаккас впервые встретился весной 1922 года в квартире Анри Лозере, он же «Гардон»: 15 rue Goncourt, в 11-м округе Парижа. Лозере, который работал наборщиком, возглавлял отдел колониальных дел в Коммунистической молодежи, и хотя он только что пропустил рождение КПК в Шанхае, он был в первом ряду на крещении ее европейского отделения. Встречу в его квартире организовал другой сотрудник Renault, токарь по прозвищу «У Хао». Будущий лидер Вьетнама Хо Ши Мин тоже был там под своим именем Нгуен Ай Куок; полиция уже сформировала на него обширное досье, начиная с его участия в учредительном собрании Коммунистической партии Франции. Он работал над ретушью фотографий и починкой фарфора под псевдонимом «Фердинанд». На самом деле Фердинанд был агентом Коминтерна, и его дружба с бретонцем Жаном Креме, восходящей звездой французской коммунистической партии, не обманула власти в отношении его дополнительного тайного участия в борьбе.

Инспекторы Sûreté также обнаружили здание на улице Godefroy, 17, в районе Gobelins в Париже, недалеко от Place d'Italie, где рос небольшой китайский квартал. На втором этаже жил молодой человек, называвший себя мистером Сти-

венном Найтом, одетый как английский джентльмен и обладавший британским паспортом. Он утверждал, что является бизнесменом из Гонконга. Его описание соответствовало описанию У Хао, который был в квартире Лозерая, и это действительно был один и тот же человек: сын бюрократа из Чжэцзяна, к юго-западу от Шанхая, молодой человек, который рано стал радикальным. Его настоящее имя было Чжоу Энлай. Разорвав отношения с семьей, он до приезда в Европу провел время в Японии. В ноябре 1920 года Чжоу по прозвищу «У Хао» прибыл в Марсель на борту французского торгового судна «Бордо». Обладая природным чутьем к подпольной деятельности, в течение двух лет он руководил коммунистическими ячейками Китая во Франции, Бельгии и Германии. После оккупации китайского представительства в Париже студентами-рабочими полиция арестовала его, но, не зная, кто он на самом деле, просто решила сопроводить его в Марсель, откуда он должен был быть выслан из Франции и отправлен обратно в Китай. Ему удалось незаметно спрыгнуть с движущегося поезда на открытой местности и, таким образом, ускользнуть от охраны. «Революционный мандарин» уже проявил себя искусным художником-декадентом.

Чжоу окружил себя верными товарищами Хакка, также одаренными тайной деятельностью, и сблизился с молодым человеком по имени Не Жунчжэнь, который, как и Дэн Сяопин, был родом из Сычуани. Он учился у Дэна в Университете Гренобля, а затем в Шарлеруа в Бельгии, где попал под влияние бельгийских социалистов. Нанятый Чжоу за его научный ум, он был экспертом в области шифрования и беспроводного обмена сообщениями. Он работал инженером в Creusot и Renault. Позже стал маршалом Народно-освободительной армии и одним из отцов-основателей атомной бомбы.

Стоит помнить, что эти хакки и будущие маршалы, а также остальная часть группы, которая сформировалась вокруг

Чжоу, вместе со своими детьми будут продолжать фигурировать в этой уникальной истории вплоть до наших дней.

Французская контрразведка не зависела только от информаторов. Торговцы ручками на улице Соссэ, в Париже делали пронциательные оценки. Они поняли, что Москва должна субсидировать китайцев, а французские агенты Коминтерна выступают в качестве посредников.

За перевод денег отвечала закаленная радикальная Сюзанна Жиро. Она родилась в Швейцарии, где впервые встретила Ленина; она работала учителем начальной школы в России, где была принята на работу в 1919 году Международной службой связи Коминтерна, OMS. Так она стала отвечать за передачу кругленьких сумм различным революционным группам, в том числе китайским, как явствует из документов, изъятых французской полицией во время обыска ее дома, после того, как в ней была обнаружена шпионская сеть во главе с Жаном Креме в 1927 г.

Летом 1924 года Чжоу Эньлай вернулся в Китай. Только когда он прибыл в Гонконг, французская полиция обнаружила, кто скрывался за псевдонимом Стивен Найт, и что английский джентльмен и китайский рабочий У Хао были одним и тем же человеком.

Шпионы, вдохновившие человеческую судьбу

Чжоу Эньлай прибыл в Гонконг 1 сентября 1924 года. Оттуда он продолжил путь в Кантон, где присоединился к корпусу офицеров, руководивших Военной академией Хуанпу, созданной по наущению русских и Сунь Ятсена, для участия в формировании националистической армии для борьбы с полевыми командирами северного Китая.

Там к нему присоединились разные товарищи из Европы, в том числе Е Цзяньин, Чэнь И и Не Ронгчжэнь. Академией руководили постоянный представитель Коминтерна в Китае Михаил Бородин и глава советской военной кон-

сультативной миссии генерал Блюхер. КПК с возрастом обретала мудрость. Имея 30 000 членов, она объединила свои силы с Гоминьданом, и несколько видных деятелей коммунистического движения, таких как Чэнь Дусю и Мао Цзэдун, стали частью совместного руководства, хотя в нем доминировали националисты.

Ясно, что эта двойная принадлежность к растущей национальной армии привела к определенной двусмысленности: на «офицерской фабрике» в Хуанпу обучались и коммунисты, и националисты. Бородин выбрал многообещающего молодого генерала Чан Кайши, чтобы руководить школой, а Чжоу Эньлай возглавил политический отдел. Также в окружении Бородина была еще одна знакомая художавая фигура из парижского периода: Нгуен Ай Куок, будущий Хо Ши Мин. Медовый месяц между националистами и коммунистами достиг апофеоза, когда глава Академии и начальник Национально-революционной армии Чан Кайши отправил своего сына Чан Цзин-куо учиться в Москву.

Это было довольно удивительно, учитывая, что Чан Кайши разработал секретный план: победив полевых командиров, он решил, что пришло время убрать коммунистов с дороги. Китайская буржуазия без колебаний поддержала бы его, тем более что коммунисты независимо друг от друга организовывали крупные забастовки в Кантоне, Гонконге и Шанхае. Когда в 1926 году в Кантоне началась массовая забастовка, Чан решил наказать коммунистов. Арест Чжоу Эньлая и других лидеров был предупредительным выстрелом. Чэнь Дусю, глава КПК, считал, что коммунистам необходимо дистанцироваться от националистов, хотя Бородин, говоря «голосом своего господина» (другими словами, Сталина), не соглашался.

Это не помешало Бородину принять меры предосторожности: в октябре 1926 года он отправил во Владивосток своего телохранителя Гу Шуньчжана для ознакомления с ме-

тодами шпионажа и революционного восстания. Товарищ Гу был весьма необычным персонажем: родился в 1902 году не по ту сторону троп в Шанхае, он всю свою юность слонялся по барам, курил опиум, имел романы с женщинами, изучал обычаи преступного мира и был приведен к присяге в Зеленой банде. Он стал блестящим иллюзионистом по имени Хуа Гуанци, выступая со своим бешено популярным шоу в известных ночных клубах и казино, таких как Grand Monde и Sincere Department Store. Кто бы мог подозревать, что волшебник Гу тайно присоединился к КПК?

После своего возвращения из СССР Гу вместе с Кан Шэном, новым лидером районной партии Шанхая, организовали коммунистический патруль для защиты от растущей угрозы со стороны Гоминьдана.

В марте 1927 года глава Гоминьдана Чан Кайши основал свою армию и правительство в Нанкине, южной столице. В течение нескольких недель, 12 апреля 1927 года, для коммунистов все стало разваливаться. Чан обошел их с фланга. Произшедшая резня была, как назвал свою книгу американский журналист Гарольд Айзекс, «трагедией китайской революции». Позднее молодой писатель Андре Мальро основал свой роман «Судьба человека» на этих трагических событиях.

Пока КПК планировала восстание, несколько тысяч преступников из Зеленой банды приступили к резне коммунистических боевиков и сочувствующих. Власти и полиция иностранных концессий не обращали внимания на кровопролитие, происходившее за их стенами в китайском квартале. Чжоу Эньлай, Ло Иньун, Гу Шуньчжан и Кан Шэн сумели спрятаться во французской концессии, где они целыми днями планировали реорганизацию партии, ожидая, пока все успокоится. В другом месте в Китае картина была едва ли более радостной: в сентябре в провинции Хунань Мао Цзэдун возглавил катастрофическое восстание «Осен-

ний урожай», немногие выжившие позже укрылись в горном пустынном районе Цзянси, прежде чем основать свою собственную красную армию. Затем, в декабре 1927 года, было подавлено другое восстание — Кантонское восстание; около 15 000 коммунистов были убиты.

Двойная игра капитана Пика

Ситуация была катастрофой для Советов. Мало того, что КПК была уничтожена в нескольких крупных китайских городах в результате своей катастрофической политики лояльности Гоминьдану, за которой последовала серия смелых восстаний, направленных на то, чтобы люди забыли об этом компромиссе; но что еще хуже, китайская полиция ворвалась в советское посольство в Пекине, арестовав дипломатов и конфисковав целые тачки архивов. Полиция также арестовала нового главу КПК Ли Дачжао, «китайского Ленина», который укрылся там. Он был казнен без суда 28 апреля 1927 г.

Было собрано и расшифровано огромное количество документов посольства, в которых подробно описывается, каким образом Коминтерн и советское правительство создавали сети секретных организаций в Китае. Сегодня мы знаем, что открытие этой установки во многом связано с перехватом сообщений, что было редкостью в то время, британцами, которые уже были экспертами в этой области. Организация, отвечающая за прослушивание телефонных разговоров, Государственная школа связи и шифрования (GC&CS), с 1920 года установила станции прослушивания в каждом большом гарнизонном городке Британской империи. В Китае эти станции были расположены в Гонконге и Шанхае.

Унижение, которому подверглась Москва, только усилилось, когда Дай Ли, глава разведки Чан Кайши, перевел документы и опубликовал их в виде сборника избранных

отрывков из сообщений советских шпионов. В отчете, отправленном в Париж французской разведкой, которая также проверила документы, резюмировался объем изъятой информации и наивность советских кадров, которые не зашифровали и не уничтожили файлы после того, как закончили с ними:

Документы под номерами 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 касаются советского шпионажа и контрразведки. № 7, датированный 1925 годом, описывает общую организацию разведывательной службы на юге; среди прочего это показывает, что в то время Советы уже готовились отправить секретных агентов в Ханой и Хайфон, Макао и Гонконг. № 8 представляет собой отчет о сборе разведывательной информации в Квантонге [Гуандун, регион Кантона] в ноябре 1925 года.

№ 9, 10 и 11 имеют дело с контрразведкой в Kwantong и предлагают интересную информацию о создании, развитии, организации и функционировании организации в Кантоне, тесно смоделированы на российском GPU (ЧК).

А поскольку плохие новости часто приходят парами, то в мае 1927 года дезертировал агент, считающийся одной из самых важных фигур ГРУ в Китае. Главный детектив-инспектор Шанхайской муниципальной полиции ирландского происхождения Пэт Гивенс, должно быть, был в восторге от возможности «подвести итоги» и «вернуть» этого опытного офицера ГРУ. Но кем был Евгений Михайлович Кожевников, он же «Морской», «Дородин», «Хованс» и «Капитан Пик»?

Его публичная личность представляла собой царского офицера, поддерживавшего большевистскую революцию 1917 года, прежде чем присоединиться к Бородину в Китае. С 1926 г. работал начальником ГРУ в Пекине. Но на самом деле он был завербован несколькими месяцами ранее Гивенсом и тайно сообщал все, что знал о деятельно-

сти тайных шпионов, работающих в российско-азиатском банке Дальбанк, роли корреспондентов агентства печати ТАСС и китайских коммунистических активистов.

Его роль двойного агента — можно было бы назвать его мошенником из разведки — подробно описывалась в заявлении, сделанном несколькими годами позже Гу Шуньчжаном, фокусником, который стал одной из самых важных фигур в разведывательной службе КПК: «В то время я был телохранитель Бородина и агент спецслужб в Ханчжоу и Ухане. Я обнаружил, что Эжен Пик, который работал у Бородина прапорщиком, украл у своего начальника записную книжку и отчет об иностранных кораблях, пришвартованных в Ханчжоу, и продал их французскому консулу. Пик работал шпионом в нескольких иностранных консульствах».

Пик сообщил своим британским кураторам, что 18 апреля 1927 года он получил приказ от Бородина убить Чан Кайши, ответственного за недавнюю резню коммунистов в Шанхае, и что 1 мая он получил встречный приказ от INO резидента С.Л. Уайлда. Похоже, что он ослабил бдительность и был разоблачен. Две недели спустя, согласно просочившемуся отчету французской контрразведки, Пика чуть не похитил отряд командос, возглавляемый неким «Рябым Ченом».

Под своим псевдонимом «Капитан Эжен Пик» российский перебежчик составил «Китай в тисках большевиков», в котором он обнародовал список из десятков советских оперативников, действующих в Китае. Нет сомнений в том, что ссылки на этих агентов, часто сопровождаемые антисемитскими намеками, были написаны не одним Пиком, а были плодом сотрудничества между секретными службами Великобритании, Франции и Гоминьдана. Действительно, согласно российским архивам, Пик был не более чем младшим офицером, которого с самого начала взяла на вооружение британская разведка в качестве информатора.

Это не имело значения. Эта резко полемическая публикация была мощным оружием пропаганды. Книга, имевшая значительный резонанс во всем мире, укрепила образ Чан Кайши как человека, готового победить «Красного Дракона». Андре Мальро использовал книгу Пика для некоторых эпизодов своей судьбы человека, включая неудавшуюся попытку убийства Чанга и некоторые элементы персонажа Барона Клапика (обратите внимание на сходство имени Барона с именем капитана). В 1933 году Мальро выиграл Гонкуровский приз. В том же году Эрже работал над книгой Тинтина «Голубой лотос», в которой Доусон, необычный шеф британской полиции, преследующий молодого репортера Тинтина, имеет поразительное сходство с Пэтом Гивенсом. Именно ирландец Гивенс до 1936 года отвечал за искоренение коммунистических агентов, за что он получил от самого Чан Кайши орден блестящего нефрита в знак признания его верной службы. Это также был Гивенс, глава Особого отдела, который от начала до конца манипулировал всем делом Пика. Как мы увидим, Мальро украсил сюжет своего романа анекдотами, которые он услышал от другого коммунистического перебежчика, встреченного им в Шанхае в 1931 году: заместителя генерального секретаря Коммунистической партии Франции Жана Креме.

Специальные операции

Непостижимый «Чжао Жун» по прозвищу Кан Шэн был одним из нескольких лидеров КПК, покинувших французскую концессию, куда националистическая полиция Дай Ли не имела права входить — даже когда главный шпион Гоминьдана приходил благодарить коррумпированных начальника полиции Этьена Фьори и его китайских полицейских инспекторов за их помощь. (Последним было разрешено войти в Международное поселение благодаря особому отделению Гивенса). Главный инспектор Хуан Цзижун

был, как и Дай Ли, членом Зеленой банды. «Рябый Хуанг», как его прозвали, наверняка был бы горд, узнав, что он был источником вдохновения для главного героя фильма Йозефа фон Штернберга «Шанхайский экспресс» с Марлен Дитрих в роли очаровательной Шанхайской лилии.

Кан Шэн действительно уехал из французской концессии, чтобы посмотреть другой фильм, картину Гарольда Ллойда, в театре Карлтон на Парк-роуд. Это послужило прикрытием для его тайного свидания с «У Хао», который готовился к отъезду в СССР с миссией. У Хао, конечно же, был неутомимый Чжоу Эньлай, который передал ответственность за секретную службу Кангу на время своего отсутствия. Молодой интеллектuala, сын землевладельца из северного Шаньдуна — родины Конфуция — не терял времени даром, так как Ло Иньун поручил ему установить сети и проникнуть во врага.

В то время как коммунистов расстреливали и обезглавливали в китайском районе Чжабэй, Кангу удалось осуществить инфильтрацию века. Этот высокообразованный, хорошо подготовленный молодой человек стал личным секретарем Юй Цяцина, президента Торгово-промышленной палаты, с помощью слуг, также родом из Шаньдуна, которые помогли ему найти работу у богатого бизнесмена. Ю был членом Зеленой банды и, как и все другие стойкие приверженцы промышленности, финансов и торговли, встал на сторону босса, своего друга Ду Юешэна, который дал зеленый свет убийству коммунистов, как того требовал Чан Кайши.

Когда они пили чай, курили опиум и болтали о своем процветающем бизнесе, Ю и Ду не имели причин подозревать, что молодой интеллектuala в очках в золотой оправе, писавший от руки заказы и счета в соседней комнате, был главой коммунистической шпионской сети. Откуда они могли знать, что именно он был ответственным за создание новой сети в рамках подготовки к мести коммунистов?

В августе 1927 года Чжоу Энлай и его жена Дэн Инчао уехали из Шанхая в Далянь, переодевшись парой торговцев антиквариатом. Оттуда они сели на поезд в Москву. Под псевдонимом Чен Гуан Чжоу переехал со своей молодой женой в отель Lux, полуразрушенный дворец, в котором размещались главы Коминтерна и секретные агенты, готовившиеся к отправке на миссию, в том числе француз Жан Креме (комната 27) и немец Рихард Зорге (комната 19). Чтобы замести следы, Чжоу также дали русское прозвище «Москвин».

Вскоре после прибытия в Москву пара была отправлена на обучение шпионажу в шпионскую школу ГРУ на Ленинских горах, где они осваивали новейшие шпионские навыки, изучали методы кодирования и беспроводного вещания. Весной 1928 года двое «антикваров» приняли участие в съезде Коммунистической партии Китая, который проходил в подмосковном санатории. Сталин утверждал, что это было организовано за пределами Китая по соображениям безопасности, но на это никто не попался: это был умный способ для Москвы сохранить контроль над новым направлением китайской сестринской партии. В нем приняли участие 84 делегата и 100 наблюдателей, большинство из которых были студентами Московского университета Сунь Ятсена, где молодые китайцы были приобщены к радостям марксизма-ленинизма. Конгресс неохотно поддержал основную тактику руководства Коминтерна, которое незадолго до этого собралось для выработки своей стратегии: «Партия должна подготовиться к новой революционной динамике. Основная миссия, которая сейчас ложится на Коммунистическую партию Китая, — это покорение масс. Не надо больше играть с восстаниями... Партия должна контролировать деятельность партизанских отрядов и учитывать, что эти отряды послужат основой для широкого

массового движения, которое распространится на весь китайский народ».

Другими словами, КПК, которая, несмотря на значительные потери, теперь насчитывала 40 000 членов, должна поощрять создание военных организаций как в городах, так и в сельской местности. Хотя Мао Цзэдун, который первым создал сельские базы, отсутствовал, путь его Великого похода к власти через двадцать лет был открыт. Тем временем Чжоу Эньлай и «городские» лидеры Ли Лисан, Чжан Готао и Сян Чжунфа должны были вернуться в Китай со следующей целью: создать эффективную боевую структуру с секретными службами в качестве авангарда.

Когда он вернулся в Шанхай в ноябре 1928 года, Чжоу Эньлай взял на себя преобразование небольшой службы охраны там, теперь переименованной в «Особое отделение Центрального комитета» (Чжунян Теке), или сокращенно Теке, для проведения «специальных операций» (Тэу Гунцзуо). Гу Шуньчжан, маг, был призван руководить этими миссиями вместе с Чжоу в окружении нового генерального секретаря КПК, бывшего моряка по имени Сян Чжунфа, который был лидером Красной банды (Хонг Банг), Триады, или традиционного тайного общества и непримиримого соперника Зеленой банды.

Теке создали секретные базы по всему Китаю, включая Гонконг. Но Шанхай остался в центре этой подпольной войны. Один китайский специалист по международным делам сказал мне в 2008 году, что офицеры разведки все еще считают — не без определенной ностальгии, — что существует прямая связь между сегодняшней службой и первоначальной организацией, основанной Чжоу Эньлаем в то время. Теке состоял из четырех секций: первая секция отвечала за личную охрану лидеров, предоставляя им квартиры, где они могли бы спать, и организовывала встречи; 2-я отвечала за разведку и контрразведку; 3-я, «Красная

гвардия», представляла собой эскадрилью, авангард которой был известен как «отряды собачьих побоев» (Дагоу Дуй) и занималась устранением предателей. Наконец, 4-я секция отвечала за связь.

С этого времени под руководством Кан Шэна Теке также стали нести основную ответственность за безопасность — создан отряд тайной полиции, которому было поручено наблюдение за своей собственной партией. Канг преуспел в шпионаже за своими друзьями. Писательница Хан Суйин, дочь китайского отца, по происхождению хакки, и бельгийской матери, впервые взяла интервью у Чжоу Эньлай в 1956 году для биографии, которую она в конечном итоге опубликовала почти тридцать лет спустя. Ее описание этой полицейской функции очень красноречиво:

Теке вели учет каждого члена партии, собирали всевозможную информацию, наказывали предательства, управляли радиостанциями. Они также организовали группы защиты и боевиков-коммандос, которые проводили внесудебные казни тех, кто подозревался в предательстве интересов партии, в допущении утечки информации или в причастности к аресту или смерти товарищей.

Секретность, характеристика, которую Чжоу начал культивировать во время своего пребывания в Париже, стала важным элементом коммунистической структуры.

Чтобы предотвратить утечку информации, агентам Теке не разрешалось иметь какие-либо отношения с другими боевиками партии. Организация была настолько разобщенной, что даже ее название не было известно. Жителям Шанхая она была известна под жутким названием «кинжал У Хао»; немногие получают ссылку на псевдоним Чжоу. Но название было явно оправдано насилием, с которым текеские палачи убивали диссидентов, борцов сопротивления, дезертиров и других противников. Люди Кан Шэна и Гу Шуньчжана не остановились на убийстве предателей

или информаторов: они убили всю семью. В этом они не так уж сильно отличались от приспешников Чан Кайши, но они также возродили древнюю китайскую традицию изысканно изощренных пыток, принцип которой заключается в том, что чем медленнее применяется смерть, тем больше она внушает ужас.

Жемчужиной в короне Теке была 2-я секция, отвечающая за разведку и проникновение. Разветвлялись многочисленные связи, используя знаменитые гуаньси — отношения, основанные на семье, сообществе и географии, — для проникновения в мощную культурную и художественную среду Шанхая. В этом мире Теке составляли небольшую армию посыльных, контрабандистов и информаторов. Глаза и уши У Хао были сосредоточены на клубах боевых искусств, культурных и религиозных группах, мире музыки, театра и кино, публичных домах «цветочниц» и русских кабаре, где некоторые «полусветлые девушки» были «белокжими». Но красное сердце Кан Шэн, хотя и был одержим античным китайским эротизмом эпохи Мин, также был всегдаем современного мира киностудий Шанхая. Здесь он встретился с другом детства из Шаньдуна, возможно, бывшим любовником, а ныне кинозвездой по имени Лань Пин («Голубое яблоко»). Позже она стала более известной как Цзян Цин, более известная как мадам Мао.

Используя все эти искусно сплетенные нити, паутину связей, подпольная система КПК поставила перед собой амбициозную цель: использовать повальную коррупцию в городе для проникновения в гоминьдан Чан Кайши и иностранные полицейские силы.

Гемо шпионит за контрабандой

Чан Кайши обычно считают прекрасным тактиком и несравненным политическим зверем, успешно вытеснившим своих соперников в Гоминьдане, но слабым стратегом. Воз-

можно, на данный момент он выиграл битву за Шанхай. Но сможет ли он завоевать север? Объединить Китай за счет коммунистов? Выиграть войну? В соответствии с зародышевой теорией, разработанной Мао, в долгосрочной перспективе он будет признан лучшим стратегом из них двоих.

В любом случае, генералиссимус, или «Гемо», как его обычно называли, разгромил коммунистов в Шанхае и намеревался добиться воссоединения страны, завоевав север. Если ему удастся управлять всей страной, Чангу придется полагаться на главных шпионов, столь же жестоких и непримиримых, как их враги. Ближайшими товарищами Гемо были два брата, Чэнь Го-фу и Чэнь Ли-фу. Они, как и он, были из Чжэцзяна, были связаны с Зеленой бандой и отвечали за политическую разведку как Гоминьдана, так и «Синих рубашек», группы ополченцев, вдохновленных европейскими фашистскими движениями.

Самым могущественным из руководителей службы Геммо был Дай Ли. Он родился в 1897 году в год Петуха и тоже был из Чжэцзяна. Как и братья Чен, он потерял отца в молодом возрасте, а к четырнадцати годам стал пехотинцем на службе у военачальника. Он попал в Военную академию Хуанпу, где подружился с несколькими коммунистами, прежде чем стать их палачом.

Дай создал новую секретную службу, Бюро расследований и статистики (Diaocha Tongzhi), которое, когда оно было впоследствии реорганизовано и поставлено под контроль вооруженных сил, было переименовано в Juntong, хотя оно все еще было известно широкой публике как «БМР». Доверенный член Зеленой банды, Дай стал капитаном военной полиции в 1927 году и сыграл ключевую роль в крахе коммунистов в Шанхае. Дружелюбный и вежливый, с лицом, описанным как «беличья голова», Дай был способен на ужасающую жестокость. По всему Китаю не утихают разговоры о пытках, которым подвергались те, кто попал в его

руки, включая передозировку героина. Все это принесло ему прозвище за границей «китайский Гиммлер». Распространяются слухи, усиленные коммунистической пропагандой, — это можно объяснить тем фактом, что несколько видных заключенных-коммунистов предпочли «покорность» и отступничество смерти в мучительной агонии.

В настоящее время о Дай Ли написаны более взвешенные биографии. Ему приписывают создание сети из 100 000 агентов в Китае и организацию огромной машины, чья щупальцевая система простиралась далеко за пределы Китая, благодаря другому бывшему офицеру Хуанпу, генералу Тан Юэ-ляну, который организовал международную секретную службу, используя сеть военных атташе. Была создана система влияния, во главе которой стояла Сунг Май-лин, жена Чан Кайши. Он стремился заставить США в лице Рузвельта перейти от позиции нейтралитета к поддержке Гоминьдана против Японии. Дай Ли также был пионером в перехвате сообщений. С помощью американского эксперта по шифрованию и дешифрованию Герберта О. Ярдли он смог создать ультрасовременную службу. В течение 1920-х годов именно способность служб Чан Кайши перехватывать сообщения позволяла ему сокрушить полевых командиров. Единственная проблема заключалась в том, что эта очень изощренная служба была пронизана коммунистическими агентами.

Чэнь Гэн и бретонец из Шанхая

Оглядываясь назад, нельзя отрицать, что сталинская политика разгона КПК какое-то время внутри Гоминьдана была выгодна коммунистическому шпионажу. Некоторые боевики никогда не называли себя коммунистами и оставались спрятанными, как кроты, в лабиринте националистических структур: синих рубашек, БМР, национальной армии, службы связи и так далее.

Это глубокое проникновение контролировал Чэнь Гэн, боевик во главе 2-го отделения — секретной разведывательной службы Теке. Он родился в провинции Хунань в 1904 году в год Дракона в богатой семье землевладельцев. Благодаря личному наставнику он хорошо разбирался в конфуцианской философии, в том числе в достоинствах «сыновней почительности». Это не помешало ему сбежать из дома в возрасте тринадцати лет и вступить в республиканскую армию. После периода в качестве профсоюзного лидера на железных дорогах и организатора забастовки он присоединился к КПК. Он учился на офицера в Военной академии Хуанпу, которую окончил курсантом первого выпускного класса. Во время военной кампании на севере он пережил событие, которое должно было сыграть ключевую роль в его дальнейшей жизни: во время засады он спас жизнь Гемо, самого Чан Кайши.

Но Чэнь Гэн был героем всего на один день: в 1926 году его вместе с Гу Шуньчжаном отправили в СССР для прохождения программы обучения ГПУ. Когда он вернулся в Китай, после участия в различных неудавшихся восстаниях, он взял на себя руководство текской разведкой в Шанхае под псевдонимом «г-н Ван». Его первая миссия заключалась в том, чтобы пролить свет на загадку: арест 14 апреля 1928 года на Гордон-роуд Ло Иньонга — жестокого, давнего боевика, ответственного за создание зародышевой разведывательной службы, — и его последующее убийство, которое произошло сразу после того, как он был передан китайской полиции. С помощью контактов Гу Шуньчжана в полиции и его старых друзей из «Зеленой банды» Чэнь обнаружил, что женщина, говорящая по-немецки, обратилась в британский специальный отдел и предложила передать сотни активистов в обмен на значительную сумму денег. Чтобы доказать свою добросовестность, она дала людям Пэта Гивенса адрес Луо. Предательницей была жен-

щина по имени Хэ Чжихуа. Она была бывшей женой Чжу Дэ, бывшего военачальника, который стал коммунистическим генералом и был среди тех, кто провел какое-то время в Париже. Она жила с Чжу в Германии во времена «студентов-рабочих». После пребывания в СССР присоединилась к секретариату руководства КПК в Шанхае, который дал ей доступ к списку членов партии. Совершенно предав коммунистические идеалы, она планировала продать своих бывших товарищей и использовать деньги, чтобы начать новую жизнь за границей.

Месть «собачьих дружин» не заставила себя долго ждать. Убийцы объявились в доме предателя и застали ее в постели с новым мужем. Они пустили в дело свои пистолеты «Маузер 7,65». Изрешеченная пулями и тяжело раненная, но все еще живая, Хэ Чжихуа бросила труп своего мужа и исчезла. Тем не менее, убийцам Теке удалось восстановить список имен и, что наиболее важно, передать пугающее сообщение о том, что «кинжал У Хао» никогда не спал. Он не знал ни жалости, ни раскаяния.

Однако из всех операций по проникновению, проведенных службой Дай Ли, самая успешная была скрытой: служба шифрования и связи. Боевиком, ответственным за эти миссии, был Ли Кенонг. Ли стоит рассмотреть более подробно, потому что позже он станет одной из самых важных фигур в мире китайского шпионажа.

За темными очками Ли Кенонга скрывалась душа журналиста. Он родился в бедной восточной провинции Аньхой в 1899 году в год Свиньи. За свою полную фигуру, усы и веселое поведение он был известен как «улыбающийся Будда». В юности уехал во Францию по программе работы и учебы, и, возможно, именно в этот период стал одним из первых агентов Чжоу Эньлая. В любом случае, ему предстояло тридцать лет проработать шпионом на службе «революционного мандарина».

После возвращения в Китай Ли работал журналистом. В 1926 году он стал заместителем редактора National People's Daily и сторонником северной кампании Чан Кайши, хотя теперь тайно он был воинствующим коммунистом. Вернулся в Шанхай в 1928 году, где продолжал работать журналистом и в Теке. Ему удалось стать личным криптографом Чан Кайши. Как специалисту в этой области, ему удалось присоединиться к Генеральному штабу националистической армии и, таким образом, отправить «У Хао» и Кан Шэну копии телеграфных сообщений, которые лежали на его столе. Он был частью сети, в которую входил Цянь Чжуанфэй, еще один коммунистический крот, который стал секретарем Сюй Эньзэна, главы секретной службы БМР Гоминьдана.

Тем временем Не Ронгчжен, который также был в Париже и теперь являлся специалистом по беспроводной связи, был обвинен в создании радиопоста в Гонконге. В мае 1930 года он прибыл в Шанхай, также под видом журналиста, и присоединился к персоналу Чэнь Гэна, как он объяснил в своих мемуарах:

Помимо меня, в число других людей с особыми обязанностями входили Чэнь Гэн, Ли Цян и другие... Это было нервное и волнующее время. Нам удалось разместить в ключевых вражеских ведомствах нескольких высококвалифицированных товарищей — Ли Кенонга, Цянь Чжуанфэя и Ху Ди. С их помощью у нас был доступ в режиме реального времени к информации о различных организациях, и мы знали, каких товарищей обнаружил враг. Иногда мы даже получали подробную информацию о планируемых нападениях на нас войск Чан Кайши на 1928 год.

Другой аспект обязанностей «г-на Вана», он же Чэнь Гэн, заключался в обеспечении материально-технической поддержки своей разведывательной службы оперативникам из Москвы. Хотя эта миссия, казалось бы, противо-